

РУКИ,
ПОЛНЫЕ
ПЕПЛА

МЭЙ

Мэй
Руки, полные пепла
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»
Серия «Боги в свете неона», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74596636

Руки, полные пепла: SelfPub;

ISBN 978-5-04-255907-5

Аннотация

Лондон утоплен в неоне огней, и в ночном клубе за микрофоном стоит сам Аид. Ему визгом гитары вторит Гипнос. Сет держит клуб, а лучезарный Амон варит кофе и печет блинчики.

Один, Нуаду, Нефтида – древние боги живы. Затерявшись среди смертных, они никогда не были мертвы.

До сегодняшнего дня.

Кто-то открыл охоту на тех, кому знакома вечность, но не смерть. Смутные тени несут погибель, и пока пантеоны всего мира пытаются понять, что происходит и откуда ждать удара, Аид надеется увидеть искру узнавания в глазах Софи, девушки из клуба. Он уверен, что это его Персефона в новом облике.

Кому нужна гибель богов? Или, может, вечность – это и правда слишком долго и настала пора бессмертных уйти в небытие?

Первая книга цикла «Боги в свете неона».

Захватывающий детективный сюжет и чувственная история любви Аида и Персефоны, снова и снова ищущих друг друга сквозь века.

Смешение различных мифологий, приключения, смерти богов и настоящая любовь.

Почувствуйте дыхание вечности, окунувшись в жизни тех, кто вершит судьбы смертных.

Содержание

1	6
2	17
3	28
4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мэй

Руки, полные пепла

© Мэй, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Я вернусь. Я обязательно вернусь.

Годы облетят, будто пожухлые листья, ветер снова принесет мой голос, шепотом зовущий тебя по имени. Ты услышишь его, обязательно услышишь. А я вспомню тебя. Потому что никогда не забывала.

Не прощайся.

После успешного выступления в клубе группа чаще всего предпочитала напиться. Нынешний вечер музыканты «Стикс течет вспять» сочли однозначно успешным.

Маленький душный клуб оказался забит под завязку: неоновые огни бара отражались на потных телах танцующих людей. Они передавали друг другу пиво и сигареты, громко смеясь и роняя пепел на бетонный пол. Клуб устроили в бывшем заводском помещении, так что под потолком извивались переплетения неработающих труб. Но полумрак надежно скрывал любые недостатки.

Группа успела заявить о себе не только необычным названием, но и густым, неожиданно качественным и «темным» звуком. Четверо участников даже обзавелись собственными поклонницами. Пятым членом группы была клавишница Роуз. Она меняла цвет волос почти перед каждым концертом, а фигуру затягивала в корсеты, украшая кружевом и атлас-

ными лентами.

– Боже, Стив, не напейся до того, что забудешь свое имя! – Она сморщила нос.

В комнате для музыкантов меланхоличный Стив только пожал плечами и сделал еще один глоток пива. Он являл собой живое олицетворение всех стереотипов о бас-гитаристах: невозмутимый и неразговорчивый.

Сияющий Майки беспечно махнул рукой:

– Да ладно тебе, Роуз! Концерт прошел офигенно.

– Мне кажется, ты выбираешь приличные выражения только потому, что я еще не ушла.

– Эй, ты нас бросаешь?

– Меня ждут.

– О, ты про того красавчика?

– Это мой муж вообще-то.

Конечно же, Майки знал об этом, да и с Сэмом была знакома вся группа, иногда они даже выступали в том клубе, где он работал барменом. Но Майки никогда не упускал возможность отпустить в его адрес пару шуток – да и в адрес любого другого человека тоже.

– Майки, заткнись, – серьезно сказал еще один участник группы.

Эллиот уже успел вытащить линзы, делавшие его глаза сплошным чернильным пятном. Спрятав их в маленькую коробочку, он протирал очки в тонкой черной оправе. Когда Эллиот водружал их на нос, то меньше всего походил на ба-

рабанщика андерграундной группы – скорее на студента факультета философии.

– Сам заткнись, – огрызнулся Майки. – Что ты вечно занудничаешь?

– Вношу рациональное звено в тот хаос, который ты зовешь жизнью.

– Это мой хаос. Он мне нравится.

– Если не будешь его контролировать, он тебя поглотит.

Со стороны сложно было поверить, но Майки и Эллиот еще со школы были лучшими друзьями. Они могли сколько угодно препираться друг с другом, но если бы кто-то попробовал обидеть одного из них, то имел бы дело сразу с обоими.

Майки изобразил обиду и, выхватив сигарету у Стива, глубоко затянулся. Стив даже ничего не возразил, закинул руки за голову и уставился в потолок. Обратился он к последнему участнику группы, который молча сидел в углу:

– А что скажешь ты, Гадес?

Они не знали его настоящего имени – по крайней мере ни Майки, ни Эллиот не верили, что кого-то могут на самом деле звать Гадесом, а Стиву, похоже, было все равно. Роуз, правда, верила. Она как-то сказала, что ее второе имя, данное мамой, заставит поверить во что угодно, но самого имени никогда не называла.

Гадес собрал их группу. Он писал большую часть текстов и музыки, а основная часть поклонников приходила послушать именно его бархатистый, проникающий под кожу голос.

– Отличное выступление, – лаконично сказал Гадес.

Роуз убрала с лица прядь волос, сегодня ярко-розовых, и застегнула молнию на чехле синтезатора.

– Проводишь? – спросила она его. – Или тоже решил напиться с этими чудиками?

– Попрошу! – возмутился Майки. – Чудик тут только Стив.

Гадес улыбнулся Роуз:

– Ты же знаешь, эта муть, как и алкоголь, на меня слабо действует.

– Я бы решила, что это вызов, и специально для тебя нашла что посильнее... но, пожалуй, воспользуюсь тем, что ты достаточно трезв, чтобы меня проводить.

Гадес подхватил сумку Роуз и, отсалютовав Майки, Эллиоту и Стиву, пошел за ней. Они быстро протиснулись через толпу людей, чуть не оглохнув от бьющей по ушам басами фоновой музыки, и оказались у изрисованного граффити фасада клуба. Роуз расправила плечи, глубоко вдыхая свежий воздух:

– Не представляешь, как я сейчас хочу пива!

– Так мы могли посидеть в баре.

– Нет, Сэм ждет. Я обещала, что не буду задерживаться. Он... ну, хотел устроить свидание.

Гадес снова улыбнулся:

– По-моему, очень романтично. Вы женаты, а он до сих пор устраивает тебе свидания.

– Ну да. Эх, и как ты до сих пор один? Столько девиц готовы визжать от одного твоего взгляда.

– Это не те женщины.

– Да ты успеешь перебрать половину города, пока отыщешь ту самую! – фыркнула Роуз.

– Не волнуйся о моей личной жизни. Я разберусь сам.

Роуз прикусила губу, понимая, что вообще-то Гадес прав. Но ей всегда хотелось устроить все наилучшим образом. Будь ее воля, она наверняка кормила бы каждого участника группы, просто чтобы быть уверенной, что они поели. На Рождество она совершенно серьезно подарила всем по шарфику.

Заметив машину Сэма, Гадес передал ей сумку:

– Если я подойду, это затянется надолго. Ты же знаешь Сэма, он любит рассказывать о коктейлях, а я люблю слушать. Поэтому не буду задерживать ваше свидание.

– Ты чудо.

Роуз на прощание поцеловала его в щеку и поспешила к машине. А Гадес, прищурившись, осмотрел парковку, как будто хотел увидеть что-то за ней, сквозь нее. Сквозь ночной город, раскинувшийся вокруг.

Он достал сигареты из кармана джинсов и закурил. Прислонился спиной к каменной стене клуба, ощущая бьющие в его тело – в его теле – басы.

Недалеко расположилась группа каких-то девиц, громко хохочущих и обсуждающих прошедший концерт. С легкой

улыбкой Гадес слушал сплетни о себе, Майки и Эллиоте. Стива обсуждали реже.

– О... это же ты.

Остальные девушки его еще не узнали, а вот стоящая рядом незнакомка, похоже, да. Гадес скосил на нее глаза, но сделал вид, что не понимает, о чем она.

– Кто – я?

– Гадес.

Его имя прозвучало у нее как-то необычно, как будто она произносила его каждый день, с такими интонациями... Гадес едва заметно тряхнул головой, отгоняя наваждение. А она тем временем напела:

– Попроси его о боли... попроси его о грехе...

И тут же заметно смутилась.

– Прости. Вообще-то я обычно вот так не пристаю к людям. Не знаю, что на меня нашло.

Гадес присмотрелся к девушке. Она казалась совсем юной, и густой слой косметики не мог этого скрыть. Вьющиеся волосы заплетены в две косы, и даже в мутном свете фонарей было заметно, что они рыжие. Правда, не ясно, натуральные или крашенные. Девушка была одета в корсет, короткую юбку и, неожиданно, гольфы, которые резко выбивались из общего стиля посетителей клуба, но удивительно шли именно ей. Похоже, она мерзла в тонкой блузке, но не подавала вида.

– Привет, – сказал Гадес. – Мое имя ты знаешь, а как об-

ращаться к тебе?

– Софи.

– Очень приятно, Софи. Ты куришь?

– Нет, вышла подышать свежим воздухом. Внутри душновато.

Она не казалась девушкой, которая постоянно ходит по концертам и горящим неонам клубам, где играют андерграундные группы. Но неуловимо походила на девушку, которой нравится музыка, звучащая в подобных местах.

– Я правда не знаю, что на меня нашло, – кажется, Софи смущалась все больше. – Извини.

– Ничего. Правда ничего. Главное, не называй мое имя слишком громко, не хочу, чтобы те девицы услышали.

– О... тебе не нравятся поклонницы?

– Мне не нравится их назойливость. А однажды мы с ними все равно встретимся.

– Как загадочно звучит.

Гадес улыбнулся. Он знал, что в тених его улыбка выглядит одновременно и притягательной, и пугающей.

– Может, я вампир, который живет вечно.

– Скорее ты похож на древнего бога, который рассказывает в текстах песен об истине, но никто ему не верит.

Он вздрогнул. Настолько, что едва не уронил тлеющую в руках сигарету. Давно никому не удавалось вот так выбить его из колеи. Гадес затянулся, впуская в легкие дым и спокойствие, но Софи, похоже, ничего не заметила. Она задум-

чиво смотрела вперед, на парковку, а потом повернулась к Гадесу и сказала, как будто извиняясь:

– Это из-за вашего названия. «Стикс течет вспять». Сразу думаешь о древних богах. О временах, когда верили в загробную жизнь, в извивающихся змей на голове Медузы горгоны и в Цербера, который сторожит проход царства мертвых.

– У меня есть собака.

Если бы Гадес умел смущаться, то сейчас определенно смутился бы от того, насколько неграмотно прозвучала его фраза, но Софи, похоже, восприняла замечание спокойно.

– Здорово, – сказала она. – Мне всегда хотелось собаку. Большую овчарку. Но мама не позволяет.

– Ты живешь где-то рядом?

– В доме на окраине.

– О, один из тех милых домов за крашеным зеленым забором? Идеальный газон, аккуратный почтовый ящик.

Софи рассмеялась.

– Что-то вроде того! На нашем нарисованы звезды, а забор кое-где стоило бы подновить.

– Звезды? Необычно.

– Моя мама – ведьма, ей положено что-то такое экстравагантное. Ты еще не видел ее рекламу в газете! «Гадание на Таро, зелья, оккультизм». Привороты только по субботам.

Софи говорила о работе матери легко, явно не слишком придавая ей особенного значения. А может, привыкнув, что

в их доме варились так называемые зелья, а на подоконнике росли травы. Но Гадес невольно напрягся: слишком часто он встречал тех, кто называл себя ведьмами и действительно ими и являлся. И ему эти встречи никогда не приносили ничего хорошего.

– Так что насчет древних богов? – неожиданно спросила Софи. – Тебе нравится мифология? Хотя глупый вопрос. Конечно, нравится. У тебя даже имя в честь Аида, бога мертвых.

– Мне нравится одна легенда о нем.

– Какая?

– Что древние боги не умерли и никогда не могут быть мертвы. Аид до сих пор властвует в своем царстве мертвых. А еще бродит по миру в поисках своей жены, Персефоны. Легенда гласит, что ее мать, Деметра, в древности не позволяла им быть вместе, и половину года Персефона проводила с ней в мире цветущего плодородия, а на вторую становилась властительницей Подземного царства.

Софи нахмурилась.

– Я слышала версию, где Аид ее похищал и забирал с собой насильно.

– Возможно, ей нравилось, когда он применял силу? Как бы то ни было, согласно легендам, Аид бессмертен, а вот душа Персефоны перерождается раз за разом для смертной жизни. И Аид ищет ее, чтобы напомнить, кто она, и снова сделать своей королевой. Только Деметра всегда против. Это

она придумала спрятать дочь в смертных телах.

– Необычная версия. Тебе стоит написать о ней песню.

Дверь клуба распахнулась, и душная темнота выпустила еще одну девушку. Она огляделась, как будто ища кого-то, а когда заметила собеседницу Гадеса, помахала ей рукой:

– Сеф, черт возьми, я тебя обыскалась! Пошли внутрь, тут дубак.

Девушка вновь скрылась в клубе, а Гадес с удивлением посмотрел на Софи:

– Сеф? Ты же сказала, тебя зовут Софи.

Она скривилась:

– Терпеть не могу полное имя и дурацкие сокращения. Поэтому выбрала что-то максимально близкое, но похожее на человеческое имя.

– Как тебя зовут?

– Персефона. Мама тоже поклонница мифологии.

Она отправилась за подругой, и Гадес дернулся, собираясь пойти следом, но не стал. Он ощутил другой зов, гораздо более древний и глубинный. Как же не вовремя! Но души не могут ждать. Гадес затушил сигарету и выкинул в мусорный бак, а потом зашел за угол, где никто не мог его видеть. Прислонился спиной к кирпичной стене, которая пульсировала басами музыки клуба, прикрыл глаза и наконец-то стянул перчатки, позволяя свершиться древней магии. Души мертвых туманом просачивались в него через приоткрытый рот, через подушечки пальцев, через тело, укрытое черной

одеждой. Он позволял им проходить сквозь себя и двигаться дальше, туда, где лениво перекачивались воды Стикса, не имеющего дна. Текущего только вперед.

Он – Гадес, он – Врата.

Небольшая плата за возможность не торчать постоянно в Подземном мире.

Мрак рядом с ним соткался в мощного добермана. Пес подошел к хозяину и ткнулся широким лбом в руку. Гадес почесал его между ушами.

– Ну что, приятель, похоже, я нашел ее.

2

– Я найду тебя...

Шепчут его пересохишие губы, а тени вокруг клубятся, сжимаются и снова расширяются, эхом повторяя слова: «в аду, в аду, в аду...»

Какая злая ирония! Они уже в аду. В Подземном царстве мертвых. И Стикс рядом величественно несет воды дальше, в туманную тьму. А владыка Подземного мира, Аид, держит на руках свою возлюбленную жену, Персефону.

Она умирает.

И никакие силы в мире не способны ее спасти. Она должна умереть в этом теле – и возродиться в новом. Провести половину человеческой жизни со своей матерью Деметрой, а потом вернуться к мужу. И отдать ему вторую половину жизни. Пока снова не умрет. Пока снова не возродится.

Аиду остается только ждать.

Этот цикл идет веками, но он до сих пор не может прерываться.

Не научится прощаться.

Узкая ладошка Персефоны в его руках. Хрупкие девичьи пальцы дрожат, но она старается не показывать страха. И пытается улыбаться, касается лица мужа, оставляя на его коже кровавые разводы.

В этот раз смерть пришла с кровью. Забрала хрупкое,

вечно юное тело. И теперь дух Персефоны цепляется за изломанную человеческую оболочку, но его неумолимо уносит.

– Я найду тебя... найду твое новое воплощение. Жди меня.

– Я буду ждать, – шепчет она в ответ. Ей больно, и Аид знает это. Но Персефона не подает вида. У нее и без того мало времени. – Найди меня. И я снова буду твоей. Всегда твоей.

Они оба знают, что Деметра не допустит никакого «всегда», что будут условия. Но им хочется верить. Каждый раз.

– Поцелуй меня, – просит Персефона.

Ее голос будто шелест опадающих лепестков еще не распустившихся бутонов роз. Ее глаза отражают юность весны и полноводность Стикса.

– Я буду твоей королевой. Будь моим королем.

Он целует ее. Чувствует вкус крови и аромат лилий. Привкус гранатовых зерен и пыль рассыпавшихся костей на своих пальцах. Он всегда чувствует смерть. Он и есть смерть.

И она тоже.

Она не узнала его.

Персефона не узнала его.

И Гадес не понимал, его это больше удивляет или расстраивает? Печалит? Вызывает недоумение? Он не знал. Но очень жалел, что алкоголь действует на него куда слабее, чем

на обычных людей. Чтобы на самом деле напиться, ему придется провести в баре много времени.

После внезапной встречи с Персефоной Гадес вернулся в клуб. Он разыскал ее и попробовал заговорить. Наверное, еще заходя с морозного воздуха в духоту полутемного помещения, он подозревал правду, но не желал ее признавать.

Как будто стало проще, когда он увидел ответ в удивленном взгляде Персефоны. В ее глазах, которые не менялись от воплощения к воплощению.

Она смотрела на Гадеса, стоя посреди рассеивающейся толпы, между сумраком и бьющими на границе слуха басами приглушенной музыки. Она смотрела и не узнавала так, как узнал ее он – даже если бы на этот раз Деметра отошла от традиции привычного имени.

Он узнавал ее всегда. Не сразу, но всегда.

Какой силой могла воспользоваться ее мать? Гадес не сомневался, это дело рук Деметры. Она всегда считала, что решение богов неверно, и дочь всегда должна оставаться рядом с ней. Как будто того факта, что Персефоне приходится не просто менять тела, а перерождаться, недостаточно.

Как будто то, что Гадес ждет и ищет ее половину жизни, – это мало.

Кто помог Деметре? Она бы никогда не осмелилась в одиночку бросать вызов богам. Да и сил у нее не хватило бы. Не ее стезя. Гадес всегда недолюбливал ее, считая собственницей, не пожелавшей отпускать дочь. Но в этот момент он ее

почти ненавидел.

Персефона – или Софи, как она сама себя называла – смутилась и не хотела разговаривать. Она желала как можно быстрее сбежать из клуба и от Гадеса, которого наверняка посчитала навязчивым. Ей бы это удалось, если б не ее подруга. Гадес не запомнил имени восторженной блондинки, но она оказалась фанаткой группы «Стикс течет вспять». Благодаря ей Персефона не убежала сразу.

Но она молчала большую часть времени, стоя рядом с подругой, которая щебетала о последнем альбоме и жаждала получить автограф. Конечно же, Гадес расписался на протянутом альбоме. А потом еще долго смотрел вслед девушкам, когда они выходили из зала. Он надеялся, чары Деметры дадут трещину, когда Персефона увидит его. Он надеялся, она обернется.

Она не обернулась.

И теперь Гадес сидел в почти пустом баре клуба, не зная, то ли ему попытаться напиться, то ли отыскать дом Персефоны и силой вернуть ее (в конце концов, это было бы не первое похищение жены за его долгое существование), то ли... Гадес не знал, что еще можно придумать.

Но понял, что все это придется отложить, потому что ощутил другое божественное присутствие рядом. И мгновение спустя ему на плечо опустилась рука:

– Аид, дружище!

– Я ненавижу это имя, – сухо ответил Гадес.

– Зато, не сомневаюсь, ты рад меня видеть!

– Привет, Амон.

Он уселся на барный стул рядом и заказал у бармена что-то прозрачное в низенькой стопке. Хрупкий, тонкий, он был похож на семнадцатилетнего мальчишку со встрепанными светлыми волосами. На входе у него наверняка проверили документы.

Пришедший бог осушил рюмку и потребовал еще. И только после этого посмотрел на Гадеса.

– Это твой клуб?

– С какой стати? Нет. У меня группа. Мы тут выступали.

– Серьезно? – Амон обернулся и с интересом окинул взглядом пустующую сейчас сцену. – А что так мелко?

– Зачем мне клуб?

– Не знаю, но это было бы вполне в твоём духе.

Гадес пожал плечами:

– У меня есть целое Подземное царство. К чему мне клуб?

– Для понта.

В ответ Гадес промолчал. Когда-то он, как и многие боги, развлекался тем, что обзаводился на земле всем, что только мог пожелать. И как прочим богам, ему это быстро наскучило. Когда можешь иметь все, обладание быстро становится бессмысленным.

К тому же на самом деле Гадесу всегда было нужно нечто совершенно иное..

– Я нашел ее.

В этот момент Амон как раз рассматривал стопку, решая, стоит ее осушить прямо сейчас или нет. Крепкий алкоголь на него действовал как на Гадеса – то есть почти никак. Что-то вроде пива для обычных людей.

После слов Гадеса Амон оторвался от созерцания рюмки и с любопытством посмотрел на него.

– Серьезно? Быстро в этот раз. Так вот почему ты здесь.

Гадес кивнул. Их с Персефой связь всегда была чем-то необъяснимым даже для них самих. Но его тянуло туда, где рождалось и росло ее новое воплощение. И рано или поздно они встречались. Тогда срок Персефоны у Деметры заканчивался, и она снова уходила с Гадесом.

Но не в этот раз.

– Поздравляю, – сказал Амон. – И где же сейчас твоя темная принцесса?

– Дома, полагаю.

– М-м-м?

– Она меня не узнала.

Вот это заставило Амона сразу же забыть о выпивке. Он выпрямился на стуле и с нескрываемым удивлением посмотрел на Гадеса. Теперь была особенно заметна его необычная форма глаз, как будто слегка миндалевидных. Амону нравилось, когда смертные гадали, откуда он может быть родом, кто его предки. Конечно, никто не угадывал в юноше древнеегипетского бога черного небесного пространства и покровителя Фив.

Он мог не появляться неделю или годы, но потом неизменно находил Гадеса и вел себя так, будто они расстались только вчера.

Впрочем, все боги были такими. Кроме Гадеса. Его вечность отсчитывалась в том числе перерождениями Персефоны. Амон мог сколько угодно иронизировать на эту тему, но знал обо всем лучше многих. Он всегда был другом Гадеса.

Поэтому сейчас сокрытый бог небес оказался искренне удивлен:

– Как это не узнала? Такое разве возможно?

– Как видишь.

– Я не вижу. Но ты расскажи.

И Гадес рассказал. Достаточно кратко, но не упуская деталей. За время его рассказа Амон успел выпить рюмку и взять еще одну.

– И что ты собираешься делать? – спросил он.

– Понятия не имею. Потребовать ответ у Деметры?

– Только спровоцируешь эту стерву. И ты прав, раз она такое провернула, ее кто-то поддерживает. Кто-то сильный. Твой брат не может?..

– Зевс не стал бы.

– Он всегда благоволил Деметре.

– Он благоволит каждой юбке! Но не стал бы раскачивать равновесие.

Амон многозначительно вздохнул.

– Тогда тебе остается только одно, – заключил он.

– Выкрасть Персефону?

– Дурень. Соблазнить ее.

– Что?

– Ну один же раз вышло.

– Тогда она не была против.

– Откуда ты знаешь, что теперь будет? – легкомысленно пожал плечами Амон. – Она ощутит то же притяжение, что и всегда. Тогда наверняка вспомнит. Только не пугай ее сразу, этот твой загробный пафос и вот это все... попробуй быть как человек. Она себя все-таки человеком считает.

Гадес не ответил. Он уставился на ровные ряды бутылок в баре, отсвечивающих мутными боками. Гадес давно жил среди людей, но никогда не думал, что всерьез может стать одним из них. Он даже напиться по-настоящему не в состоянии, какое соблазнение?

– Я не смогу, – сказал Гадес.

– Да ладно. Просто не пугай ее. Она заново в тебя влюбится и все вспомнит.

Амон хотел опрокинуть рюмку, но потом неожиданно посерьезнел.

– Вообще-то я здесь не просто так.

Вот оно что. Поэтому он так легкомысленно отнесся к возможному союзу Деметры с кем-то сильным. И не придавал значения потере памяти Персефоны. Амона беспокоило что-то другое.

Гадес вопросительно изогнул бровь:

– И?..

– Бальдр мертв.

– Ну он всегда был немного не в себе.

– Ты не понял, Гадес. Он действительно, взаправду мертв.

Его убили.

– Невозможно убить бога.

– Все так думали.

Теперь Гадес вздернул обе брови. Бальдр был с Севера, да к тому же покровительствовал весне и свету, то есть друг для друга они были теми еще противоположностями. И не то чтобы друг друга ненавидели... но недолюбливали достаточно, чтобы стараться не встречаться лишний раз.

Но невозможно убить бога. При смерти просто освобождается энергия, и требуется время, чтобы создать новое тело. Персефона единственная, кто в полном смысле слова перерождается.

Этот процесс шел тысячи лет. Ничто его не нарушало.

– Что произошло? – спросил Гадес.

Как и всегда, он оставался собран и задавал вопросы по существу. Амон бросил быстрый взгляд на бармена, но тот был далеко. До этого его не очень-то волновало, что услышит смертный, но теперь, похоже, информация становилась важной.

– Никто точно не знает. Но Бальдра убили. А его дух не высвободился. Он просто оказался уничтожен.

– Откуда известно, что он не исчез?

– Хель сказала. Она-то смыслит в таких вещах.

Ее Гадес знал отлично. Как и он, Хель заведовала умершими, но на Севере. Он не помнил сложных родственных связей в их пантеоне, но не сомневался, если богиня их загробного мира говорит, что Бальдр мертв, значит, он действительно мертв.

– Но как такое возможно?

Амон пожал плечами:

– Никто не знает. Один в ярости, он тоже не поверил, начал искать, а Хель обозвала его старым козлом и заявила, что она уверена, Бальдр исчез из этого мира. Совсем. До конца. Он никогда не вернется и не возродится. Он просто перестал существовать.

Последние слова Амона звучали особенно зловеще. Будь Гадес хоть чуточку более впечатлительным, у него по спине точно пробежали бы мурашки.

– Но самое страшное не это, – продолжил Амон. – Ходят слухи, такое происходит по всему миру. Кто-то убивает богов.

– Только не говори, что хочешь заняться поисками убийцы.

Амон пожал плечами:

– Сейчас каждый из нас будет пытаться провести расследование. Ты поможешь?

– Если смогу.

– Не волнуйся, я не помешаю соблазнению твоей Сеф.

Тем более... на всякий случай приглядывай за ней. Она сейчас уязвима. И сам будь осторожен.

Гадес криво усмехнулся.

– Вряд ли кто-то окажется настолько глуп, что полезет к владыке Подземного царства.

– Бальдр тоже думал, что неуязвим.

– Разжигай костры, мой господин. Позволь дыму стелиться вдоль величественных вод Стикса. Вдоль моих позвонков.

Аид улыбается. Хищно, опасно, как будто готов перегрызть глотку любому, кто встанет у него на пути. Проводит рукой по обнаженной спине Персефоны, и она выгибается под его ладонью.

Ее постель усыпана весенними цветами вперемишку с маленькими человеческими косточками. Аид полагает, что это ужасно непрактично, но он склонен к символизму, а Персефоне просто нравится, когда красиво. Поэтому в первую ночь, когда она в новой жизни воссоединяется с мужем на их ложе, она просит усыпать постель цветами и костями. Которые, правда, все равно придется смахнуть на пол, чтобы не мешали.

Им обоим нравятся ритуалы. Что-то постоянное и неизменное. Напоминающее: что бы ни случилось, есть циклы и вещи, которые никто не в силах изменить. Аид всегда стремится к Персефоне, а Персефона хочет воссоединиться с мужем.

– Разжигай костры, мой господин, – шепчет она. – Пусть все знают, что я вернулась.

Он наклоняется так, что его дыхание щекочет ухо Персе-

фоны. Улыбается, в словах перекачивается рычание хищника, опасного и неумолимого:

– А что будет делать моя госпожа?

Она переворачивается на спину, обнаженная, благоухающая сладковатыми цветами с могил.

– Надеюсь, ты скучал по мне.

Гибкий, страстный, он с рычанием прикикает к ней.

Всю дорогу до дома Софи слушала восторженный щебет Хелен. Светлые волосы подружки растрепались, тесный корсет она сняла прямо в машине, ничуть не стесняясь того, что осталась в какой-то черной сетке, не скрывавшей темное белье. Софи совершенно всерьез опасалась, что они станут причиной аварии, потому что другие водители таращили глаза на миниатюрную блондинку за рулем.

Сама же Хелен взглядов не замечала и говорила только о прошедшем концерте. По ее словам, группа сыграла все ее любимые песни. И дважды выходила на бис! Хелен отбивала ритм по рулю, пока они стояли на светофоре.

Но больше всего, конечно же, Хелен пришла в восторг от того, как Софи случайно познакомилась с вокалистом «Стикса» и что он нашел их в зале и взял номер Софи.

– Ты ему понравилась! – уверенно заявила Хелен. – Точно тебе говорю. Я видела, как он смотрел.

– Не сомневаюсь, он так смотрит на каждую девушку, которую хочет уложить в постель.

– Он не такой.

– С чего ты взяла?

– Читаю его соцсети.

Софи только фыркнула и отвернулась, а Хелен переключилась на водителя впереди, заявляя, что тот медленнее улитки на заднем дворе ее бабушки.

Софи же думала, что там, перед клубом, Гадес действительно не показался ей ни заносчивым, ни пытающимся ее очаровать. Он был на удивление... обычным. На сцене Гадес казался внушительным, но в жизни был всего на полголовы выше Софи. Собранный, подтянутый, с короткими темными волосами и несколькими маленькими сережками в левом ухе. Разговор тек так плавно, как будто они знали друг друга, как будто беседовали каждый день.

Хотя Софи не сомневалась, она впервые видела этого человека.

Когда Хелен в очередной раз начала щебетать о Гадесе, Софи не выдержала:

– Если он так тебе понравился, может, стоило дать ему твой телефон.

– А вдруг он любит только рыженьких? – вздохнула Хелен.

– Тебе лучше знать, ты за его соцсетями следишь.

Хелен не успела продолжить разговор, они остановились у дома Софи, и та побыстрее распрощалась с подругой.

Низенький забор действительно стоило подновить, а нарисованные на почтовом ящике звезды не были видны но-

чью. Поежившись от осеннего холода, Софи обхватила себя руками и по дорожке заторопилась к освещенному крыльцу. Она слышала, как за спиной отъехала машина Хелен, и пригородный район снова погрузился в привычную тишину, нарушаемую пением какой-то ночной птицы. Софи в них совершенно не разбиралась.

Дом окутывал теплом и запахом выпечки – похоже, мать снова готовила, ожидая возвращения Софи. Она никогда не ложилась спать, пока та не приходила.

Сняв ботинки в прихожей и повесив куртку на крючок в виде латунной виноградной лозы, Софи провела рукой по чуть растрепавшимся рыжим косам, приводя себя в порядок, а потом прошла в гостиную.

– Мам? Я вернулась.

Она сидела в кресле, в углу комнаты, среди пушистых ковров и маленьких диванов, в мягком свете торшера в стиле ар-деко. Длинные волосы собраны в косу, перекинутую на грудь, пряди цвета спелой пшеницы легли на ткань скромного платья в мелкий цветочек. Заложив пальцем книгу, которую читала, мать строго посмотрела на Софи:

– Ты сегодня поздно.

– Полночи нет!

– Могла позвонить.

– Мам, я уже не маленькая.

– Если тебе исполнилось восемнадцать, это еще не значит, что ты стала взрослой.

Не выдержав, Софи закатила глаза, что не укрылось от матери.

– Дорогая, я просто о тебе волнуюсь. Время беспокойное, а ты разгуливаешь в таком виде поздно ночью.

– Это нормальный вид. И еще не поздно.

– Я надеюсь, в следующий раз ты позвонишь.

– Прекрати.

– Нет. Это ты прекрати. – Голос матери растерял мягкость, тут же став твердым, почти грозным. В нем звучали бури и ливни. – Я не позволю тебе шататься непонятно где и непонятно с кем.

Софи знала, что если не хочет опять ругаться, то лучше промолчать. Тем более мать тут же прекратила бушевать и миролюбиво спросила, как прошел концерт. Как будто она слушала хоть что-то из того, что нравилось Софи, и могла поддержать разговор. Поэтому Софи выдала короткий сухой рассказ, который мать молча выслушала.

Хотя, разумеется, Софи не стала говорить, как вокалист «Стикса» попросил ее номер телефона. Еще жив был в памяти скандал, который закатила мать, узнав о школьном ухажере Софи.

Но на следующий день Софи возвращалась мыслями к тому, что ее номер есть у человека по имени Гадес. И хотя она бы ни за что в этом не призналась, но куда чаще, чем обычно, проверяла телефон. Он хранил молчание всю первую половину субботы.

Гадес позвонил, когда Софи была в оранжерее. Срезала тонкие стебельки трав для матери. На самом деле то, что называли оранжереей, представляло собой всего лишь пристройку рядом с домом, не больше обычного сарая, но с огромными окнами и стеклянным потолком, чтобы на растения падало солнце. Внутри было не развернуться, Софи едва могла сделать два шага в сторону от двери.

Телефон в кармане завибрировал, когда в руке лежало пять упругих стебельков, которые требовались матери. Оставив инструменты, Софи достала телефон и, увидев неизвестный номер, не могла не подумать, что это Гадес. Поэтому не стала выходить из оранжереи – ей вовсе не хотелось, чтобы мать услышала разговор.

– Да.

– Здравствуй. Это Гадес. Надеюсь, ты меня помнишь.

Короткий смешок на той стороне – Софи не понимала его причины, но невольно улыбнулась в ответ:

– Я знаю твой голос.

– О?..

– Слышала много песен.

– О, – повторил Гадес. – Я рад. Может, у тебя будет свободный вечер? Я бы с удовольствием прогулялся и угостил тебя кофе.

Он замялся и негромко добавил:

– Если ты не против.

Софи заметила мать, подошедшую к окну в доме и гля-

нувшую на нее. Словно забеспокоилась, почему дочери нет так долго. Софи махнула ей рукой, указывая на телефон, и отвернулась. Как будто если будет стоять лицом, мать может услышать слова.

Теперь надо ответить. Просто ответить и ничего не испортить.

– Я не против.

– Когда ты свободна?

Ей хотелось сказать, что сейчас. Выходной день, который она обещала провести с матерью, помогая ей, и в который предпочла бы оказаться в другом месте.

– М-м-м, – замялась Софи.

– А что ты делаешь сегодня?

– Сушу с матерью травы, – честно ответила Софи. И тут же выпалила: – Но если ты спасешь меня от этого занятия, я буду очень рада!

Он рассмеялся. Софи невольно зажмурилась от этого смеха... Ощущение, как будто проводишь ладонью по бархату. Как будто гладишь кошку, на миг втянувшую когти.

– Когда за тобой заехать?

Софи растерялась. Заехать? Ей почему-то представилось, что такой человек, как Гадес, наверняка ездит на мотоцикле, а Софи ни разу на нем даже не сидела. Зато видела, как в фильмах у девушек на мотоциклах развевались юбки... а сами они тесно прижимались к мужчинам.

– Через час.

– Где встретимся?

Сначала Софи не поняла, почему не у дома, но потом решила, что ей и самой совсем не хочется объясняться с матерью. Поэтому попросила подождать ее в начале улицы. Гадес согласился и тут же повесил трубку. А Софи еще несколько секунд стояла, убрав телефон и перебирая в руках стебли травы.

Она действительно согласилась. Сделала такую глупость. Но потом Софи подняла голову и улыбнулась. Она не жалела. И вернувшись в дом, легко соврала матери, что позвонила Хелен, которая рассталась с очередным ухажером и хочет встретиться за молочным коктейлем обсудить эту новость.

– Только возвращайся не поздно, – сказала мать, поджав губы.

Большую часть времени Софи провела перед шкафом, примеряя то одно, то другое. Нарядиться казалось странным, да и мать могла что-нибудь заподозрить. Но джинсы после вычурности наряда для клуба представлялись слишком... обычными. И Софи поймала себя на мысли, что просто не хочет их надевать.

Поэтому она выбрала короткую черную юбку и простую кофту с завязками. Потом вспомнила о мотоцикле и сменила юбку на черные штаны, которые заправила в высокие ботинки. Софи как раз успела накраситься и в третий раз сменить прическу (в итоге просто распустив длинные рыжие волосы), когда подошло назначенное время. Закинув за спину

рюкзачок с заклепками, Софи постаралась спуститься вниз как ни в чем не бывало, попрощаться с матерью и не слишком торопиться, идя к началу улицы.

Она сохраняла спокойствие, но, когда издалека увидела фигуру Гадеса, приложила все усилия, чтобы не ускорить шаг и не улыбнуться ему.

Он снова был в черном, и этот цвет ему очень шел. Гадес стоял, небрежно облокотившись на машину – тоже черную. Он поздоровался сухо, но сам улыбнулся ей, открывая дверцу со стороны пассажирского сиденья. И Софи, не задумываясь, нырнула внутрь.

В салоне пахло чем-то смолистым, а еще сладковатыми цветами.

– Мне представлялось, что у тебя мотоцикл, – усмехнулась Софи, когда Гадес уселся рядом.

Он вскинул брови.

– Ты никогда... мне казалось, ты не любишь скорость. И открытые салоны.

– Просто не пробовала.

Взгляд Гадеса был таким пристальным, что, продлись он еще хоть миг, Софи почувствовала бы себя неуютно. Но Гадес отвернулся, заводя машину, и спросил:

– Как насчет прогулки? А потом я угощу тебя кофе.

– Предпочитаю чай.

– Ежевичный, – улыбнулся он.

Софи невольно вздрогнула: она действительно любила

чай с листьями ежевики и поразилась, как Гадес мог угадать. Или он сам его любит?

Они гуляли несколько часов. Сначала по мощеным дорожкам парка среди пожелтевших деревьев, а потом по городу, где жухлая листва липла к мокрому асфальту. Софи рассказывала о себе, о работе матери и о маленькой оранжерее, в которой сама так любила бывать. Гадес оставался вежлив, но немногословен, и когда они заходили в уютное кафе, Софи внезапно поняла, что до сих пор ничего о нем не знает, кроме того, что он играет в группе и живет с собакой где-то в небольшой квартирке.

А еще Гадес оказался единственным, кто не спросил Софи о планах на будущее.

Она поступала в колледж в следующем году, очень гордилась этим и за последние годы привыкла, что любимый вопрос окружающих – кем ты собираешься стать.

Гадес не спрашивал. Как будто знал... или не хотел знать.

– Что за место? – с любопытством спросила Софи, оглядывая стены с постерами рок-музыкантов. На улице уже стемнело, а приглушенный свет создавал в помещении уютную атмосферу.

– Кафе моего знакомого.

– Какие у тебя интересные друзья.

– Ты подождешь? Я хочу найти его и перекинуться парой слов. Делай заказ.

Софи кивнула и даже не успела заметить тот момент, ко-

гда Гадес исчез – видимо, за дверью служебного помещения. Улыбающаяся официантка тут же приняла заказ. Оставшись в одиночестве, Софи достала телефон проверить, но никаких звонков или сообщений не обнаружилось, так что оставалось только облегченно вздохнуть. У матери клиент этим вечером, и Софи отлично помнила миссис Эриксон. Каждый раз она приходила с паранойей, что муж хочет ее отравить – но почему-то все еще не сделал этого за двадцать лет брака. Миссис Эриксон подолгу пила чай с матерью, а потом та не меньше времени делала ей расклады на Таро – на мужа и любовника, роман с которым тоже длился лет пять без всяких изменений.

И все же Софи поставила телефон на беззвучный режим: ей не хотелось, чтобы мать помешала. Ожидая Гадеса и чай, Софи с интересом рассматривала салфетки с бледной картинкой стилизованного музыканта, приветственно поднявшего руку. Откуда-то из-под потолка лилась приглушенная мелодия рок-баллады, а за стеклом большого окна, около которого сидела Софи, были хорошо видны теплые огни машин и ярких фонарей на улице.

Ей нравилась ее жизнь. Нравился уютный домик, в котором пахло травами и благовониями, комната с постерами и гирляндой под потолком, школа и выпускной класс, ее друзья и блокноты, в которых она рисовала нелепых зверушек.

Но почти всегда у Софи оставалось ощущение, что чего-то не хватает. Как будто она сама – неполная. Словно есть

что-то большее, по чему она тоскует, но даже не может назвать. И эта часть ее успокаивалась, когда она в одиночестве брела по темной улице, даже рискуя нарваться на ворчание матери из-за позднего возвращения. Или в полумраке своей комнаты, под мерцание гирлянды, слушала мрачноватую музыку, устроившись на сбитой постели и рисуя у зверушек клыки и когти.

Мать не любила такие картинки. Ей не нравились готические романы Софи, и уж точно она была против музыки, которую предпочитала дочь. Но Софи просто научилась... лавировать. Показывать матери только то, что та хотела видеть.

И продолжать в глубине души тосковать о чем-то невыразимом, чему даже не могла подобрать определения. Ощущение на грани узнавания.

Глупости, как говорила мать. Все это просто глупости подросткового возраста.

Но сейчас, теребя салфетку с силуэтом музыканта, Софи вдруг поняла, что этим вечером ощущала себя уютно. Цельной и законченной. Может, именно поэтому она согласилась на встречу с Гадесом – абсолютно незнакомым ей человеком. Софи ведь никогда раньше так не поступала. А может, работало его мрачноватое обаяние, с помощью которого – Софи это с горечью признавала – музыкант наверняка соблазнял восторженных девиц. И все же Софи не жалела о вечере.

Гадес появился неожиданно, одним плавным движением усаживаясь напротив Софи, как будто тьма перетекла из угла

за стол. Чуть нахмуренные брови – что-то его беспокоило – и глаза, казавшиеся в полумраке черными. Но Софи он только сказал:

– Извини, что заставил ждать.

Она неопределенно пожала плечами.

Сейчас Гадес больше чем когда-либо напоминал хищника. Собранного, стремительного и опасного. Не того, который нервно выпускает когти, а того, который застыл, подергивая кончиком хвоста, выжидая удобный момент, чтобы сделать всего одно движение и впиться жертве в горло.

Софи даже не представляла, кто может держать это кафе и что он такого сказал Гадесу. Но тот явно не собирался ей ничего рассказывать, а когда принесли чай и кофе, только приподнял одну бровь:

– Ты не взяла пирожное?

– Не хотела, – Софи опустила голову и не стала признаваться, что постеснялась.

– Тебе стоит поесть. Но если не хочешь, я не настаиваю.

– Я люблю сладкое.

Гадес кивнул, как будто и так это знал. Как будто потому и удивился. Но в следующий момент уже спросил, как Софи кафе, и вновь завязалась непринужденная беседа. Словно когтистая тьма, готовая к обороне и нападению, исчезла, убралась на дно его черных глаз.

Они появились, когда Софи допивала вторую чашку ежевичного чая, а кофе Гадеса почти закончился. Остановились

около их столика, со стороны прохода, мужчина и женщина, оба высокие, темноволосые, в пальто. Шею незнакомки украшал большой уютный шарф, женщина казалась спокойнее своего спутника.

Возможно, мужчина выглядел угрожающим, потому что его первыми словами, обращенными к Гадесу, были:

– Бессмертный ублюдок.

– И я рад тебя видеть, – спокойно ответил Гадес. – Рад, что кое-что никогда не меняется. Например, твоя вежливость.

– Ты мог сообщить мне о том, что происходит.

– Ты не оставил номер телефона, когда сменил его в последний раз.

Незнакомец явно хотел сказать что-то еще, судя по его выражению лица, такое же резкое, но женщина мягко коснулась его руки, успокаивая. И огонь того сразу поутих до тлеющих углей.

– Нам надо поговорить.

Как ни странно, Гадес не стал возражать и кивнул. А потом поднялся, таким же плавным, неувимым движением – как двигаются тени, когда замечаешь их краем глаза. Незнакомец уставился на Софи, и она даже в полумраке увидела, что его кожа смуглого, почти необыкновенного золотистого оттенка, а во всем лице есть что-то яростное и... нездешнее.

– А кто твоя очаровательная спутница? Похоже, ты сам забыл о вежливости и не представил нас.

– Софи. Сет.

Софи не удержалась и в удивлении вскинула брови. Она знала египетскую мифологию и отметила, что незнакомцу удивительно подходит имя бога хаоса, ярости и разрушений. Но они с Гадесом что, специально друг друга нашли по именам?

– Это его жена, Неф.

Не объясняя ничего больше, Гадес кивнул Сету, и оба вышли на улицу. Сквозь окно Софи могла видеть, как Сет достал из кармана пачку сигарет, закурил и начал что-то с жаром говорить, пока Гадес стоял, сунув руки в карманы, и задумчиво смотрел на дорогу и проезжающие мимо машины.

– У мальчиков свои заботы.

Неф уселась напротив Софи, на место Гадеса, и подмигнула, чем сразу же расположила к себе. Она не стала снимать свой огромный шарф, заглянула в чашку Гадеса и сморщила нос:

– Как он пьет эту гадость?

– Может, чаю? – растерялась Софи.

Неф покачала головой.

– Прости, что испортили ваше свидание. Но если Сет решил, что надо встретиться, спорить с ним бесполезно.

– Он выглядит... грозно.

– О, ты еще не видела его в гневе.

И Софи показалось, что в голосе Неф прозвучало что-то мечтательное, как будто она восхищалась этим состоянием мужа. Она еще продолжила говорить о чем-то незначитель-

ном, вроде кафе и чая, рассказывая, что самый лучший – это черный, такой горячий, что может обжечь губы.

А потом внезапно нахмурилась:

– Ты мне напоминаешь кое-кого, но... я ничего не чувствую.

Она не успела продолжить мысль, даже если собиралась, – входная дверь хлопнула, и вскоре рядом со столом снова появились Гадес и Сет. Последний держал в опущенной руке телефон, и Софи показалось, что его лицо стало бледнее, чем было.

– Амон пропал, – негромко сказал он.

Вряд ли это было настоящее имя, но Неф явно поняла, о ком речь, потому что ее глаза округлились:

– Надо отыскать.

Сет кивнул и, хотя обращался к Гадесу, смотрел в этот момент на Софи:

– Отвези ее домой.

– С нами безопаснее.

– Ей-то чего бояться? И...

Внезапно Сет осекся. Внимательно посмотрел на Софи, от чего ей стало совсем неудобно. А потом ошарашенно прошептал что-то на языке, которого Софи не знала – но могла поспорить, что это ругательства.

– Софи, – обратился к ней Гадес, – наш друг пропал, и ему нужна помощь. Прямо сейчас. Ты можешь поехать с нами. Или я отвезу тебя домой.

Она не могла понять спокойное выражение его лица, как будто Гадес тщательно скрыл, чего хочет сам, и предоставил выбор Софи. Ровная обсидиановая поверхность эмоций.

Но когда Гадес протянул руку, Софи уже знала, что ответит. Не сомневалась, что сегодня – возможно, впервые в жизни – стоит спустить с поводка ту необузданную и жаждущую часть себя, которая так не нравилась матери.

Маленькая ладошка Софи легла на теплые пальцы Гадеса.
– Я с вами.

Благоухающие розы в его руках.

Цветущая смерть на кончиках ее пальцев.

Персефона сидит в кованой беседке и проводит руками по холодному металлу завитков. Беседку она любит, а вот ждать – ненавидит. И вслушивается в размеренный плеск Стикса у ступенек. Но ждет другого звука.

Едва слышных шагов сквозь туман и морось, по выглаженной, будто стекло, черной гальке на берегу. Персефона покидает беседку и подходит к ступеням, чтобы встретить мужа.

Аид идет темным облаком, сгустком холодной ярости. Он не скрывает эмоций дома и тем более рядом с женой.

– Что случилось? – спрашивает она.

Остановившись у ступенек, Аид поднимает голову. Его глаза темны, как бездна между ударами человеческого сердца, на лице спокойная ярость, которая обещает врагам все что угодно, кроме милосердия.

– Люди, – коротко бросает он. – Амон опять с ними что-то не поделил.

Персефона с трудом сдерживается, чтобы не закатить глаза. Амон всегда был и остается мальчишкой, даром что тоже бессмертное божество. Но иногда до сих пор не понимает мира людей.

Больше всего Персефоне хочется, чтобы Аид вернулся к ней, пил ежевичный чай, заваренный на воде из Стикса.

И она знает, что, если попросит, муж подчинится ее желаниям. Но еще знает, что сам он хочет иного.

Поэтому Персефона говорит:

– Помоги ему.

Уже сев в машину Гадеса, Софи запоздало задумалась, не совершает ли она ошибку. В конце концов, она знала Гадеса едва ли день, а Сета с Неф видела впервые в жизни. В голове сразу всплыли все разговоры матери о том, что не стоит доверять незнакомцам.

Но вечерние городские огни тепло светили за окнами машины, а экзотический восточный парфюм Неф удивительно вплетался в терпковатый запах салона. И Софи не чувствовала, что что-то неправильно.

Она уселась на заднее сиденье, рядом устроилась Неф, тут же размотав свой шарф, и Софи с удивлением заметила, что под пальто у нее что-то блестящее. Сет уселся рядом с Гадесом, но тот не спешил заводить машину.

– Когда он исчез?

Софи опасалась сама задавать вопросы, но, слушая чужие, была готова впитывать информацию. И сейчас вместе с Гадесом ожидала ответа Сета.

Тот пожал плечами:

– Я не могу до него дозвониться. Последние часа три.

– Это Амон. Он мог вообще телефон потерять.

– Мог. Но что-то не так. Я просто... знаю.

Звучало, на взгляд Софи, дико, но, к ее удивлению, Гадес кивнул и наконец-то завел машину.

– Я в курсе, где он остановился.

В этот момент Софи поняла, что даже не представляет, куда они поедут. Она с опаской косилась за окно, где расцветал огнями и неоном Лондон, но пока что узнавала районы. Они как раз оставили позади городской центр, когда Сет негромко сказал:

– Думаешь, все плохо?

Софи заметила нервный, как ей показалось, взгляд Неф, но Гадес оставался спокоен и смотрел на дорогу.

– Увидим, – коротко ответил он. – Если бы Амон был мертв, ты бы почувствовал?

– Не знаю. Возможно. Хотя сомневаюсь.

По спине Софи невольно пробежал холодок. Она подумала, что, возможно, бояться этим вечером стоило, но отнюдь не тех, кто ехал с ней в машине.

Но дальше Сет сказал то, что Софи уже совершенно не поняла.

– Ты знаешь мои методы. Ты – смерть, но я – огонь.

– Ты – хаос и буря. Но я не хочу за тобой убирать.

Сет пробормотал что-то в ответ, но Софи не расслышала что, да и не была уверена, что действительно хочет знать. Происходящее казалось ей все более странным. Возможно,

все куда проще и прозаичнее, а она просто не понимает половины сказанного – может, это шифр или речь идет о какой-то игре.

Хотя в глубине души Софи осознавала, что это не так.

На улице начал накрапывать дождь, оседая на окнах машины, превращая ночные огни в световые пятна, а другие автомобили – в размытые силуэты. Мир казался тем же самым, но будто приобрел невнятную тревожность, которую она ощущала. Горчинку на кончике языка. Зуд на подушечках пальцев.

По крайней мере себе-то Софи могла признаться, что ей попросту страшно.

Она не знала район, в котором оказалась машина, остановившись напротив здания с широким крыльцом и каким-то пафосным нечитаемым названием, написанным каллиграфическим шрифтом. Отель.

Все вышли молча, но Гадес не торопился что-то делать, а достал сигареты и медленно закурил. Сет к нему присоединился, мрачный и молчаливый. Неф стояла рядом, просто кутаясь в свой огромный шарф.

Софи видела, что и Неф, и Сет смотрят на Гадеса. Как будто ждут его отмашки, а он... Софи казалось, тот к чему-то прислушивается. Чуть нахмутив брови, глядя перед собой, но словно ничего не видя. Подобный отстраненный взгляд появлялся у него и на сцене, но сейчас было иначе, словно Гадес заглядывал не внутрь себя, а смотрел вокруг.

Он затушил сигарету, рассеянно убрал окуроч и провел по волосам, стряхивая с них мелкие капли осевшей влаги. И в этом жесте было что-то почти мальчишеское, что-то очень... простое.

На той стороне влажной дороги, у отеля, показалась собака. Софи моргнула, но большой доберман со ступенек не исчез. Пес спокойно стоял и смотрел на них.

– Он внутри, – сказал Гадес. – Пошли.

Он кинул быстрый взгляд на Софи, но не попросил остаться, и она была рада. Одинокaя машина под накрапывающим дождем казалась сейчас более зловещей, чем освещенный отель.

Собака отошла в сторону, когда они приблизились, но Софи с удивлением увидела, как проходящий мимо Гадес потрепал добермана по голове. Пес высунул язык и завилял хвостом. Но внутрь отеля не пошел.

– Ты знаешь собаку? – не удержалась Софи, поравнявшись с Гадесом, пока они проходили через крутящиеся двери.

– Это мой пес.

– Что он здесь делает?

Гадес посмотрел на нее, но теперь Софи невольно задрожала: в этом мазнувшем по ней взгляде уже не было ничего мальчишеского. Как будто Софи поймала отражение бездны в зеркале.

– Вопросы потом, – сказал Гадес. – Ты пошла по доброй

воле. И еще можешь вернуться в машину.

Софи упрямо сжала губы и больше ничего не спрашивала. Вот уж нет, она не выставит себя девчонкой с неумным любопытством! Она может держать себя в руках не хуже, чем эти люди!

Неф подошла к стойке регистрации что-то уточнить, а Сет прошипел:

– Что ты удумал?

Гадес посмотрел на него тем же взглядом. Но Сет, в отличие от Софи, молчать не собирался:

– Я чувствую, как ты выпускаешь силу. Хочешь тут все разнести? Там что-то есть? Нам бы тоже неплохо знать, что увидел твой пес! Знать, к чему готовиться.

– Все спокойно. Но я не хочу рисковать.

Казалось, Сет чуть не задохнулся от возмущения, покопился на Софи, а потом спросил:

– Это ею ты не хочешь рисковать? А нами можно, не предупреждая, с чем столкнемся?

– Ничего вам не грозит.

Что-то было в его голосе, равнодушном и холодном... Софи подумала, что им ничего не грозит не потому, что опасности нет, а потому, что ее сдержат.

Когда они вчетвером оказались в кабинке лифта, несущейся вверх, Софи наконец-то поняла причину этого ощущения. Ей как будто было тесно, словно не хватало воздуха. Она прислонилась спиной к зеркальной поверхности задней

стенки и краем глаза заметила, что Сет и Неф сделали то же самое.

А перед сомкнутыми дверцами стоял Гадес, и его невидимая сила словно размазывала остальных по зеркалам, тонким слоем по внутренней поверхности лифта. Софи не видела, чтобы что-то изменилось, но ощущала это в самом воздухе.

Когда Гадес вышел из распахнувшегося лифта, его шаги, скрадываемые пушистым алым ковром, не были шагами хищника. Это была плавная походка самой смерти. Бесшумная, вкрадчивая и убийственная. Его шаги – последний шелест, который ты услышишь в жизни.

Ничего не изменилось в облике Гадеса. Он просто шел вперед, а Софи старалась держаться поближе к Сету и Нефу. Но Гадес шагал неумолимо, и Софи не сомневалась: если бы кто-то попался им на пути, кости несчастного могли превратиться в пыль от одного взгляда.

Гадес толкнул дверь номера, но она оказалась заперта. Он даже не остановился, просто сделал едва уловимое движение рукой, и замок вместе с ручкой прахом осыпался на ковер.

Софи ойкнула. И прежде чем прошмыгнуть в номер за остальными, пригляделась к пыли на ковре и невольно провела пальцами по двери – в том месте, где теперь осталась аккуратная дыра.

Неф уже зажгла свет, Сет вполголоса ругался, но Гадес молчал, и это пугало Софи больше всего остального – до того

момента, пока она не увидела, что посреди комнаты на ковре лежит юноша.

Он казался совсем юным. Босой, в одних джинсах, рубашка небрежно валялась в кресле – как будто он собирался в душ или переодевался, но что-то его отвлекло. На фоне грязно-серого ковра юноша выглядел особенно бледным.

– Он жив? – спросила Неф негромко, ее голос дрожал.

Но Гадес не торопился проверять. Он огляделся, и, Софи была готова поклясться, тени в углах зашевелились. Сет уже опустился возле юноши на колени, касаясь его кончиками пальцев, что-то шепча, хотя Софи не могла разобрать ни слова.

Вскинув голову, Сет посмотрел на все еще недвижимого Гадеса:

– Помоги ему!

Не отвечая, тот тоже опустился на колени перед юношей, который, видимо, и был Амоном. Теперь они сидели по обе стороны от него, и Софи хорошо видела, что происходит.

Гадес просто запустил руку в грудную клетку Амона. Как будто не было кожи и ребер, а рука Гадеса – всего лишь туман, иллюзия. Но Софи отчетливо видела, как ладонь погрузилась внутрь... в полной тишине, густой, застывшей в маленьком гостиничном номере.

– Позови его, – глухо сказал Гадес, и в его голосе шелестел пепел сгоревших городов и скрежетали осколки костей.

Софи не сразу поняла, что обращается он вовсе не к Сету,

а к Неф, стоявшей позади.

И она позвала.

Софи не была уверена, что Неф сказала «Амон», но не сомневалась, что напевные сочетания звуков именно звали. Откуда-то с изнанки, из пространства под поверхностью мира.

Амон закашлялся. И сел на полу в тот момент, как Гадес убрал руку.

– Какого хрена? – были его первые слова. – Я что, умер?

– Нет, – ответил Сет.

Но Софи показалось, в его ответе звучат вопросительные интонации. Да и посмотрел Сет на Гадеса, будто ожидая подтверждения, что и правда никто не умер. Но тот одним текущим движением поднялся на ноги и отошел в часть комнаты, что еще скрывалась в тенях. Облокотился на стол, его плечи поникли, у Софи возникло ощущение... как в листопад, когда под сильными порывами ветра листва опадает вниз, устилая землю. Так и ощущение сковывающей, мешающей дышать силы исчезало, впитывалось в ковер, стекая все ниже и ниже.

Сет что-то говорил Амону, Неф тоже опустилась на пол рядом с ними, но Софи была здесь чужой. И она подошла к единственному, кого знала в этой комнате чуть лучше, чем остальных.

Софи уважала чужое личное пространство и считала, что не стоит трогать человека, пока он сам этого не разрешил.

Но сейчас она даже не задумалась, коснувшись кончиками пальцев обтянутой черной рубашкой спины Гадеса.

Он ощутимо вздрогнул, а Софи показалось, даже сквозь ткань, что его тело слишком горячее. Выпрямившись, Гадес обернулся, но теперь его взгляд был просто спокойным, а не равнодушным, в нем не плескалась бездна.

– Стоило отвезти тебя домой, – сказал он.

Софи не успела ответить, потому что не отличавшийся терпением Сет тут же спросил:

– Не хочешь объяснить, что это было? Он умирал?

Гадес кивнул:

– Что-то вроде того. Амона оставили умирать, и он не смог бы возродиться, должен был просто исчезнуть. Мы пришли вовремя.

– Что это было? Какой-то яд?

Гадес смотрел на Сета спокойно, не опуская взгляда. И негромко сказал:

– Ты просто хочешь, чтобы я подтвердил то, что ты знаешь и без меня? Убить бога может только другой бог.

Разговоры про богов показались бы Софи сущим бредом, но еще она чувствовала, как стоят дыбом волоски на коже, будто наэлектризованные. Неф сидела на диване, Амон успел подняться с пола и накинуть рубашку. Застегивая ее, он смущенно улыбнулся Софи:

– Наверное, эти придурки тебя напугали? Не бойся.

Софи ахнула:

– Они говорят, ты чуть не умер! А беспокоишься обо мне?

– Ты же одна из нас, – пожал плечами Амон. – Я беспокоюсь о своих.

Софи не поняла фразы, но от нее не укрылось, что Амон бросил быстрый взгляд на Гадеса. Тот промолчал. Только Сет вновь не утерпел:

– Давайте уберемся отсюда. Просто на всякий случай. И поговорим где-нибудь в безопасном месте.

Все согласились, а спускаясь вниз в лифте, уже не жались к стенкам. Пока они ехали, Софи, только потому, что стояла рядом, услышала, как Амон негромко сказал Гадесу:

– Я тебя почувствовал.

– Когда мы с Неф вытащили тебя обратно? – Гадес приподнял бровь. – Не дали раствориться и снова привязали к этому телу?

– Нет. Когда ты шел. Мог хоть немного... поумерить силу.

– Я не знал, с чем мы столкнемся.

Амон невольно поежился, а потом вздохнул:

– Спасибо.

– Это Сет поднял тревогу, – ответил Гадес. – Мы пошли за ним.

– Ага, – неопределенно откликнулся Амон.

На улице Софи огляделась в поисках добермана, но не увидела его. А потом пес словно соткался из теней рядом с машиной, когда они подошли. Но садиться в теплый салон никто не спешил даже несмотря на морось. Гадес снова за-

курил, держа в одной руке сигарету, а другой глядя между ушей собаку.

Сет повернулся к Амону:

– Что произошло?

Тот кутался в пальто, и Неф даже отдала ему свой шарф, но казалось, он все равно мерзнет.

– Ничем не смогу помочь. – Он виновато развел руками. – Я ничего не помню.

– Совсем? – уточнил Сет. – Кто это был?

Но Амон снова покачал головой, и Сет вздохнул, не скрывая разочарования и раздражения.

Оставшись без шарфа, Неф стояла, обхватив себя руками и задумчиво прикусывая нижнюю губу. Дождь ей не шел, в отличие от Гадеса: капли прибивали ее великолепные черные волосы, а на темной коже казались некрасивой масляной пленкой.

– Я не понимаю, почему Амон, – призналась она. – Мы тоже в городе. Ты, Гадес, знаю, некоторые другие...

– Он был один? – предположил Сет.

– Во всем мире сотни богов, – возразила Неф. – Но стоило Амону приехать в Лондон, и именно он именно здесь стал целью. Почему?

– Случайность?

– Не верю я в них.

На какой-то момент Софи потеряла нить разговора. Еще спускаясь в лифте, она ощутила тупую головную боль где-

то в затылке, и сейчас на какое-то мгновение она стала совсем нестерпимой, заслонив собой даже холод и неуютный промозглый дождь.

Но в следующий момент она увидела, как на машину навалился Гадес, как будто пытался удержаться на ногах, и сразу позабыла о собственной боли:

– Гадес? Что с тобой?

Он швырнул недокуренную сигарету в лужу и повернулся к остальным:

– Что-то в Подземном царстве. Меня зовут. Я должен ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.